

„Новые стихи“ Маргариты Алигер

Е. ЗЛотова

В издательстве «Молодая гвардия» выхот сейчас дневник «Девушки из Кашина» — юной партизанки Инны Кожантановой. Там есть страницы, посвященные ее первой действительной любви, возмужавшей, прекрасной силе и чистоте. И вот — полюбил влюбленный. Огромное горе свалилось на нее и грозило развалиться.

«Я стараюсь отделиться, думать о чем-нибудь другом... не выхожу. Все равно ни всегда со мной. Всегда! И ни забыть, ни отвлечься я не в силах... Душа моя не знает ни минуты радости».

Ей исполнилось тогда только семнадцать лет, она училась еще в школе. И вот девушка поддалась над своим личным горем и не то что пообидела ей или отрезала от него, но и этот встречный горестный ветер двинул ее вперед!

«Я дала себе клятву, что самое лучшее, что будет мною сделано... в твою память... Я должна, я обязана сделать что-нибудь большое, смелое, яркое... Не могу жить по-старому».

Она ушла добровольцем в партизанский отряд — туда, где можно было отомстить за разбитое счастье, и стала героиней. Ее страдания, как и ее любовь, были активной творческой силой.

Подлинная тоска, как и горе, как и страдание, — это не тихая душевная заводь, а мучительное движение души, путь печальной, путь трагической.

Любовь к жизни и вера в жизнь — на этих великих перекрестках зрелища наше мироощущение. Потому-то оно и оптимистично по глубочайшей своей сути в любой своей грани.

«Наша цель — внушить молодежи любовь и веру в жизнь», — писал Горький в 1917 году Роман Роллану. Но еще раньше — в мрачную пору царской реакции — Горький, как известно, резко выступил против пессимизма и упадничества, требовал воспитывать у молодежи оптимистическое, социально-разумное чувство. Он считал нетерпимым тот факт, что юношество начинает жить по книгам, набитым однообразными описаниями всяческих мелких драм. В одних книгах рассказывалось о том, как человек в молодости страдал от недостатка разума, от женщин, от любви к ближнему, от неудачной устройства вселенной. В других, — как он под старость страдал от сознания ошибок своей жизни, недостатка зубов, несварения желудка и, наконец, от необходимости умереть. Горький мечтал о писателе, который создаст книгу о том, как человек «свою жизнь раздался», чтобы этой огромной радостью зарядить вступающее в жизнь молодое поколение строителей жизни.

Маяковский обращался к поэтам:
 Мало знать чистоплюйства ремесла,
 распятого завет
 или цвельные редьки,
 вот когда
 к ребру душа примерала,
 ты
 ее попробуй отогреть-ка!

Отогреть «примершую к ребру» человеческую душу, восстановить ее истинное тепло, напитать ее чудотворными соками истинной поэзии, сделать ее более стойкой и более красивой — святая обязанность каждого советского писателя.

К сожалению, о ней, этой обязанности, не всегда и не все помнят.

В тольке что вышедшем № 8—9 журнала «Знамя» напечатан цикл «Новые стихи» Маргариты Алигер. Цикл этот объединяет одна тема и один лирический герой. Стихи же разные: есть ясные по мысли, есть и мутноватые. В ясных встречается, например, такое:
 ...древит земля отныне
 побитых саякой.
 И если чуло subdued
 в затеке года,
 лопы людыя забудется,
 землею — никогды.

М. ЛУКОНИН
С. ГУДЕНКО

РАЗГОВОР О МОЛОДЫХ

Центральный Комитет партии в своих исторических постановлениях по вопросам литературы и искусства обратил серьезное внимание на воспитание молодых литераторов.

Многочисленные собрания, комсомольские активы, встречи с читателями на заводах и в клубов столицы показали, что читатель — народ искренно заинтересован в приходе новых людей в литературу.

Молодая поэзия родилась в дни войны, она вдохновлена подвигом и преодолением трудностей. Все образы, весь словарь, даже ритм стихотворения подкапывался фронтовой действительностью, близостью переднего края. Миропонимание наше складывалось на войне в момент высшего обострения всех человеческих чувств: патриотизма, самопожертвования, боевой дружбы, любви, разлуки. Но часто сектор нашего зрения бывал предельно сужен ближайшим событием, и потому стихи, резкие и тонкие в деталях, оказывались лишены широким обобщением. И поэтому при переходе к темам послевоенного времени наше творчество, как никогда, нуждается в поддержке старшего поколения писателей и критиков, которая должна определить характерные особенности молодой поэзии, ее удачу и слабости, помочь пойти по верному пути.

Или у А. Межирова:
 Одинокие дети
 на взорном лугу,
 эту теплую смерть
 ты не могши опит сами,
 И смеялись на плакатную звезду
 непоиманностью глазами...

Но уже прошло достаточно времени, и мы теперь осознаем односторонность такого взгляда на войну. А критики до сих пор не разглядели, не увидели главного в книгах и стихотворных циклах И. Баукова, С. Гуденко, В. Захарченко, М. Лыкова, М. Луконина, М. Максимова, А. Межирова, А. Недогонова, М. Соболя, В. Урина и других.

Главное же в их произведениях — вера в победу, которая провела сквозь все испытания войны, закалив и научив многому. Почему же об этом теперь не говорят критики?

Мы не боялись трудностей, но в первые часы войны решили, что
 Лучше прийти с пустым рукавом,
 Чем с пустой душой.

(М. Луконин, «Знамя» № 7, 1945 г.).
 Мы не боялись писать о трагичном на войне.
 Потому что только нами роты —
 В этих ожесточенных востерти —
 Верили в крутые повороты,
 Верили в обратные пути!
 (А. Межиров, «Знамя» № 9, 1945 г.).

Не тяжести войны явились темой наших стихов, а их преодоление. Мы шли не от поэзии к жизни, а от жизни к поэзии:
 Но если снова говорить...
 Такой уже закон:
 Вспомни, как когда-то
 Встретил меня и пошел опять
 в стрелковой батальон
 Выходя под началом у старшины
 Хоти бы ты, друг
 Потом могу я с тех вершин
 в поэзию сойти.

(С. Гуденко, «Знамя» № 7, 1946 г.).
 Вот наше мнение по тому вопросу, о котором писал в своей статье Ф. Левина.
 Мы не вступали бы в дискуссию, если

Прочитай это «сплошь», возникает все же недоумительный вопрос: почему поэтса отдает предпочтение памяти земли перед людской памятью? Почему она считает земную память сильнее и крепче человеческой? Тут вспоминаешь довоенную книгу Маргариты Алигер «Камни и травы», в которой так незаслуженно была возмечена «душа земли» и так незаслуженно умалена душа человека. Маргарита Алигер сама вернула нас к этой забытой было книге.

В стихах мутноватых, которые, прежде чем вызвать возражение, нуждаются в расшифровке, философия не богаче. Она лишь ущемленнее.
 Возьмем «Август». Я цитирую полнее, дабы избежать возможного упрека в несправедливом отношении к стихотворению (только избегнешь ли его!).
 ...Спутники, нам не грозит невзгодность.
 Давидки ми до желанной поры.
 Но на одной намечается местность,
 Мы еще только ступаемся в горы.
 Мы еще в странном жинке озаверши.
 Мы еще палим с ливнями в ад.
 На высоте обстреляет зренье,
 Вот мы и видим вперед и назад,
 Мы еще палим с ливнями в ад.
 На августовский безветренный день
 потовато и тихо ложится
 тудой горы переклонная тень,
 Вот и не так уж высок ливень,
 вот и не так уж яра синева!
 Реже бегущая вода по яворе,
 реже бегущая вода по яворе,
 Полюбкинскому, полюбкинскому,
 Полюбкинскому, полюбкинскому,
 Полюбкинскому, полюбкинскому.

Уже в самой стихотворной аллюрии заложена порочность. Великий путь наш к коммунизму, превращенный было войной, идет не равниной. Это тоже выскогорный путь! Будни наши — красное число в календаре истории. Ложная стержневая аллегория пошла и ложные краски, образы, интонации. Так, озаверье, в котором мы живем, поэтса кажется «странным». И дивим мы с равниной еще «не в лад». Августовский полуденный день наш тих, безветренный. Для кого? Для кого поблели зори и синева?

Маргарита Алигер пишет, что слова стали нужнее. Тем ответственнее миссия поэта, и казалось бы, каждое слово должно быть взвешено, отточено, открыто в стихах. А поэтса утешает нас: «Поблизже, полюбим и это жизнь, ведь одна не навеки притом». Мы не нуждаемся в таком утешающемся нас слове!

Идейная сущность и тональность цитированного стихотворения станут более понятными, если рассматривать его в связи с другими стихами цикла.
 Над полем медведью и сонно
 завет таснет полосу.
 Завидишь, как томил Стенвенсона,
 где на обложке паруса,
 И ни чулки, ни топки
 раскром — начнутся чудеса...
 Но рубленый вострый томик,
 лепешки таски,
 Но суета, неразбериха,
 не оторвешь и полчасу...
 А там, глядишь, уже не травы —
 ковыли стелются роса...
 И ни чулки, ни топки,
 Нарпаны хвосты и красна.
 Но, может быть, еще мы в силе
 и дель еще не начата?

И Маргарита Алигер отвечает:
 Не трать бессмысленных усилий.
 Зайрой его. Не портъ глаза.

Подумайте над тем, что значит этот отброшенный в сторону томик Стенвенсона. Я имею в виду не книгу известного английского писателя. В стихотворении Маргариты Алигер Стенвенсон не что иное, как псевдоним ее романтической юношеской мечты. Она оказалась несостоятельной, эта мечта. Почему? Потому что живем мы, мол, в той равнине, где блекнут краски, где суета, неразбериха, где нет места чудесам и славе и даже храбрости и красе напрасны. Больше того: всякие усилия изменить что-либо — бессмысленны и тщетны. «Томик Стенвенсона» нужно закрыть, от мечты отвернуться.

Такова «мораль», проповедываемая со страниц авторитетного советского литературно-художественного журнала. И это мы читаем после известных решений ЦК ВКП(б) и доклада тов. Жданова, после собрания, критикуя, признавая ошибку. О замеченных так-тике, признавая ошибку. О замеченных так-тике, признавая ошибку. О замеченных так-тике, признавая ошибку. О замеченных так-тике, признавая ошибку.

чувство ответственности за разговор, который я веду, заставляет меня привести еще одно стихотворение Маргариты Алигер, свидетельствующее все о том же.
 Люди мне ошибок не прощают,
 притерпелся я держать ответ.
 Легкой жизни мне не обещают
 теграммы утренних газет.
 Штормы на предвещают приветы,
 дни горит, как бабки в огне.
 Нижние добрые приметы
 легкой жизни не прощат мне.
 Если я гуляю, так на тротуаре,
 но зато до третьих петухов.
 Или вот я зная, что легкой жизни?
 Разве только на чужих стихах,
 Сестра девальская пороша,
 Стелет огоньки издалека.
 Печери мне отпала подла,
 Все же ты, как перышко, летя!
 Твои мши Клади пестре просел,
 Печери мне отпала подла,
 Печери мне отпала подла,
 Печери мне отпала подла,
 Печери мне отпала подла.

И это мрачное стихотворение приведено не в выдержку. В нем концы не выжуются с концами. Гулянье до третьих петухов на тротуаре, тяжесть, сгибающая перышко, никак не ассоциируется с легкостью перышка. Восклицания «гни мши» (перышко-то) выглядят отнюдь не так мужественно, как может кому-то показаться. Маргарита Алигер исповедуется нечто иное и противоположное: она готова нести свой тяжелый крест, потому что ей легче нести его, чем обрести. Терпение и покорность состоит пабас этого глубоко упаднического стихотворения.

Весь цикл удивляет читателя идейным ужесточением и поэтической беспомощностью. Стихи полны болельного, унылого эгоизма, — о себе, для себя, с собой, со своим «жизненным чувством», без крушения, без полета. Автора somehow нужно отогреть грелками, не то, чтобы он своим телом согрел другое. Стихотворца да Диккенс — две странные добротные грелки, которыми пользуются ныне поэтса. Большие ожидания молодости, дающие «малый плод», многообещающая и обманывающая жизнь — вот тема ее новых стихов.

Она ее не только, так сказать, выскожно излагает, но, что всего важнее и вреднее, принципиально обосновывает, подводит под нее некий «философский» фундамент. Вот этот фундамент:
 ...И в пору жестоких страданий
 является людям всегда
 великих болших ожиданий
 и великих надежд.
 Отрады борьба и лишения,
 когда они отдают ей,
 И даже болших страданий
 великих ожиданий бедней.

На языке грешной прозы две последних строки значат примерно то же, что «томик Стенвенсона», который пришлось закрыть. Как бы не были значительны сверхъестественные, они оказываются всегда меньше, бедней больших ожиданий. Действительность обманывает человека; по сравнению с мечтой —

Все горше, обидней, ниче —
 выжворот, выжворот...
 Справедливости ради заметим, что к такому умозаключению поэтса пришла не сама собой. Ей «помог», как явствует из стихотворения, Диккенс и такой его роман «Большие страдания» — Пип.

Копилки мигающий пламень...
 Мы с Диккенсом в доме огнем.
 Но по мигам топки
 болших ожиданий огни.
 О. молодость беленого Пипа,
 как тинется к счастью она...

Пипу, о котором так сочувственно повествует Маргарита Алигер, действительно не повезло, и ожидания его не сбылись! Но вспомним книгу Диккенса и трагедию Пипа. Сошлусь на А. В. Луначарского. Он писал: «Большие ожидания» — автобиографический роман. Герой его — Пип — мечется между стремлением сохранить мелкотрагичный лирический уют, оставшийся своим своим одиночку поужению и стремлением вверх, к блеску, роскоши и богатству... Мы узнаем теперь, что по первоначальному плану роман должен был кончиться плачевно, между тем как Диккенс всегда избегал тяжелых концов для своих произведений и по

бы критики не занимались смакованием наших отдельных ошибок и промахов, забыв главное, что характеризует молодую современную поэзию.
 Жизнь действительно идет вперед. И мы это понимаем не хуже Ф. Левина, который цитирует из Владимира Маяковского:
 Огюди! Вы мешаете
 Mobilization и маневрам...
 употребил, как дубинку, против молодых поэтов.

И когда справедливо отмечаем, что последние стихи многих писателей в народном стала менее крепкой, что писатели замкнулись в четырех стенах московских домов, то это меньше всего относится к молодым поэтам, которые все время находятся в движении, в пути, в работе. Не прекращалась, а, наоборот, окрепла наша дружба с друзьями по фронту, которые вернулись на заводы и в институты, на леса новостроек или продолжают служить в рядах Советской Армии на страже мира во всем мире.

Не дожидаясь указаний и командировок, почти все молодые поэты в послевоенное время ездят по стране, принимают самое близкое участие в ее грандиозных работах. На новостройках и заводах Урала поглотила работавших М. Лыков. В подмосковном угольном бассейне был В. Урин. По Украине ездил И. Бауков и В. Захарченко, в Сталинград и в городах Поволжья был М. Луконин и В. Захарченко. Украин вернулся С. Гуденко. Уже написаны новые циклы стихов о трудовых подвигах комсомольцев, о торжестве советской власти, о жизни фронтовиков в дни мира. Эти стихи уже прочитаны на заводах, на комсомольских активах, на общесоветских вечерах перед нашими читателями. Скоро они появятся в журналах.

Статья Ф. Левина «Жизнь идет вперед» не помогает нам смотреть в будущее, а вынуждает оглядываться на прошлое и вспоминать пробное. Мы хотим, чтобы такие опытные критики, как Ф. Левин, помогали нам лучше видеть завтрашний день, острее чувствовать задачи будущего. Мы хотим, чтобы статьи, посвященные молодой поэзии, разбирали насущные вопросы нашего творчества, видели за мелочами душу молодой поэзии.

Пока же большинство статей о стихах молодых писателей без подлинного знания их работы.
 Статья Б. Соловьева («Известия» от 15 октября с.г.) носит многообещающий заголовок «О стихах молодых поэтов». Б. Соловьев на основании лишь одного стихотворения В. Урина «Кирички» отрицательно оценивает его творчество. Можно спорить о достоинствах этого стихотворения. Но когда пишут о молодом поэте верные и в такой ответственной статье, необходимо полнее знакомить читателей с его творчеством. В. Урин уже выступал в издательстве «Советский писатель» книгу стихов «Весна победителей», и у критики были все возможности говорить о стихах поэта значительно полнее и добродетельнее.

В этой же статье, характеризуя творчество молодых поэтов, Б. Соловьев цитирует плохие стихи Г. Морозовой, чуждые по своим настроениям большинству молодых поэтов.

Товарищи критики! Загляните в затранный день литературы, давайте поговорим на страницах «Литературной газеты» о путях развития современной поэзии.
 Мы обращаемся к критикам: помогите нам работать и учиться, пристальнее вглядывайтесь в наши стихи, и вы увидите, что нет в молодой поэзии нитя и надрыва, а есть твердая и непреклонная уверенность в правоте идей коммунизма и страстное желание работать на благо родины.

собственному добродушию и зная вкус своей публики. По тем же соображениям он не решился оканчивать «Большие ожидания» полным их крушением. Но весь замысел романа ясно ведет к такому концу».

После приведенного уместно спросить, почему же печальная судьба Пипа, столь естественная в условиях капиталистического общества, крушение его надежд так тронули душу нашей поэтсы, что весь замысел ее стихов «ясно велет к такому же концу»? Какие основания для столь, мягко скажем, легкомысленных поэтических «обобщений»?

Не тяжесть пережитого сказались в стихах Маргариты Алигер. Будь она идейно вооруженной, она бы написала не то и не так. Она бы не ушла от своей темы, но она бы ее по-другому разрешила, заговорила бы на другой душевной волне.

Ведь Маргарита Алигер известная читателю, как автор поэмы «Эоя». Ее героиня несла голод, потрудилась, и поэтса шла вместе с ней на подвиг, жила ее строем чувств, называла сестрой. Как же автор «Эоя» не постыдился оказаться недостойным своего героя?

Об этом нужно сказать со всей прямотой и резкостью, потому что только прямота и резкость способны остановить и повернуть талантливую поэтса с ложного и чуждого пути. В ее силах и возможности идти другой дорогой. Смятение и тоска придала и ослепила Маргариту Алигер, но она еще в силах сказать о себе:
 ...Моя золотая свобода
 еще не убита тоской.

Тем более нельзя быть равнодушным и обойти ее новые стихи «спадания» молчалимее. Ранее меня это обязаны были сделать ее редакторы.

Маяковский, будучи редактором, объяснял одному начинающему поэту:
 «Нюсиные слова у вас сильнее и описательных и расточных. Нюсиные делать легко, оно шиплет сердце не выделкой слов, а связанными со стихом построениями, параллельными ношениями воспоминаниями. Параллельно унылому хвостик:
 Я хочу быть повет мой страной,
 а не буду повет —
 что же!
 По родной стране
 пролуд сторовой,
 как прохлуд
 косой дождь.

Несмотря на всю романовую чувствительность (публика хватается за платки), эти красивые, подмоченные дождем перышки вырвала.
 Маяковский выводил молодого поэта на верную дорогу в литературе, предупреждал от ложных шагов, оберегал его.
 Предупредили нас Маргариту Алигер, оберегли ли ее от ложного шага ее редакторы? Они напечатали ее стихи рядышком с ошибной статьей Корнея Зелникова о лирике! Так сказать, теория и практика в одном номере...

Не будем торопиться, товарищи В. Вишневы и А. Тарасенков, с огульным утверждением, что молодые поэты, участники Отечественной войны, испытавшие много горя, отлично его преодолели. Будем более внимательны к молодым поэтам, к каждой индивидуальности, к каждому произведению. Об этом убедительно и серьезно говорили на недавнем собрании московской секции поэтов. Редакторам «Знамени», напечатавшим цикл новых стихов Маргариты Алигер, не следовало бы огульно брать под защиту от критики молодых поэтов на том лишь основании, что критик Федор Левин ошибся в них примерах. Тем самым он только доказал, что искусство цитирования — не такое уж легкое, как утверждали в своей реплике критики критика. При внимательном же чтении статьи «Жизнь идет вперед» они могли убедиться, что в ней, кроме неверных примеров, есть верная мысль, зерно истины. Сейчас очевидно, что они могли бы извлечь его с пользой для себя и для дела.

Легко, одним росчерком пера отделяется критик от серьезного разговора о работе фронтного поэта М. Соболя. Из болельного цикла стихов («Знамя» № 11 за 1945 г.) взяты лишь одна строка и на этом основано суждение, что «иные молодые поэты склонны к литературщине». Обвинение «иных молодых» в литературщине является очень серьезным. Но говорить об этом можно, не обосновывая и не иллюстрируя примерами из произведений, типичных для молодой поэзии, нельзя.
 Модное увлечение поисками мотивов грусти завело Б. Соловьева в книгу стихов И. Баукова «Вторая весна». Б. Соловьев возмущает тоска фронтного поэта, находящегося за рубежом. Нам думается, что мысли советского человека за границей выражены Бауковым несколько односторонне, но без сомнений говорят о самом главном — о любви к отечеству.
 Другая статья о творчестве молодых, напечатанная в «Литературной газете» в начале года, принадлежит И. Гринбергу. Это просто беглый взгляд на многие журналы, на многих поэтов, на многие стихи, написанные в разное время. Пора уже прекратить писать о нас огулом, не пытаясь разобраться в творчестве каждого в отдельности. Материала накопилось немало. Молодые поэты выпустили первые книги стихов, в журналах, особенно в «Знамени», напечатаны циклы из новых книг, во всех издательствах лежат рукописи наших, уже принятых к печати молодых поэтов. Начинается разговор о новом пополнении теретора, нас все связывает в одну группу, случайные ошибки одного приспосаивают все. И в результате вместо воспитания мы видим простой перечень фамилий, говорящий о равнодушном отношении к нашей работе.

Дискуссия, развернувшаяся на страницах «Литературной газеты», обнадеживает нас, позволяет надеяться на внимание со стороны критиков и литераторов. Но пока в своей главной части статьи Ф. Левина и С. Иваново осветили не основные вопросы, которыми живет сегодня молодая поэзия. Мы не собираемся расставаться с военной темой. Конечно, показывая человека на войне, не стоит ступать краски, терять за окопной правой представление о всей великой битве. Мы должны так писать о войне, чтобы идула перед нами поколение молодых советских людей любящее оружие, было готово к сражениям и победам. Но мы не думаем заниматься только этим. Самой актуальной темой является для нас сейчас тема послевоенной патристии: трудовой горькой, проблемы дружбы, любви, советской семьи. Это волнует наше поколение, значит, и нас, молодых поэтов. И незачем говорить в каждой статье только о наших промахах, не замечая того положительного, что есть уже в наших стихах.

Товарищи критики! Загляните в затранный день литературы, давайте поговорим на страницах «Литературной газеты» о путях развития современной поэзии.
 Мы обращаемся к критикам: помогите нам работать и учиться, пристальнее вглядывайтесь в наши стихи, и вы увидите, что нет в молодой поэзии нитя и надрыва, а есть твердая и непреклонная уверенность в правоте идей коммунизма и страстное желание работать на благо родины.

Легче всего просто отвернуться от горя. Другое — принять в свое сердце боль другого человека и вместе с ним оплакивать его утрату. Но, может быть, самое трудное — помочь человеку пережить страдание, превозмочь опеченение горя, поделиться с человеком силой, волей к жизни, не дать ему замкнуться и ожесточиться в его несчастье.
 Семь миллионов погибших — цифра, которая выражена наш четкий фашизм, — впечатана в память каждого советского человека. Небеса и благородна задача писателя, который своей кингой пробуждает и поддерживает силы сопротивления герою.
 В повести «Я буду жить» молодой писательницей Ольге Неклюдовой горе ничем не смягчено. Улар за ударом обрушивается на плечи героини повести Татьяны Шуваловой, лишь ее все, что ей было дорого в жизни.
 Она стоит перед читателем одинокая, над своим разорванным гнетом, с опустошенной горем душой, подуревшая и постаревшая в свои 37 лет, отставшая от своей профессии, без определенного места в жизни — домашняя хозяйка, лишенная своего хозяйства и тех, для кого она его вела. Кажется, что нет и не может быть просвета, остается лишь кое-как «дожить» жизнь, ничего от нее не требуя и ничего ей не давая.
 И все-таки Татьяна находит то, что наполняет снова ее жизнь содержанием и даже радостью, и повесть, в которой столько мрачных страниц, звучит в конце утверждением жизни.
 Неклюдова ничем не облегчает себе свою задачу. Она не оставляет своей героине никаких надежд на новую любовь, на личное счастье. Она ведет ее по пути наибольшей самоотдачи, и сама — как писатель — ищет себе другого пути. И несмотря на неровность книги, на многочисленные и серьезные недостатки, нужно признать, что автору удалось решить основную задачу, доказать победу человеческого духа над страданием.

Татьяна Шувалова поступает так, как поступила бы далеко не всякая женщина в ее положении. Поверив во время войны мужа и двух маленьких детей, она идет учиться и в то же время берет на воспитание осиротевшего мальчика-калека. Но у читателя ни в мысленно не возникает подозрения в том, что автор навязывает своей героине эти поступки — они вытекают с непреложной последовательностью и необходимостью из свойств ее характера. Поэтому интереснее всего проанализировать, как вытекает этот характер.
 Мы видим Татьяну босоногой, болшеоблой девчонкой, подрастающей в многодетной семье земского фельдшера. Ее отец, забитый нуждой человек, провозглашает идею служения народу, как высшая дель всех дел. Когда он уходит из дома, оставляет Татьяну, когда он холит к больным, видит страшную нужду и горе народа, вместе с отцом мучительно переживает его бессилие, а когда умирает не только от болезни, но и от нужды и от бедня.
 «Мне жалко людей!» — восклицает Татьяна. Отец говорит ей «о нежесткости, мешающей людям жить, и о том, что людям пора бы уже ваяться за тех, кто тулеет от благополучия». Но, пожалуй, сильнее всего в речах отца слышна Тана горечь беднячьи — «ты будешь учиться, будешь учиться, будешь учиться, потому что, когда человек много знает, он приобретает могущество... Я мало знаю, и в этом причина моего бессилия. Ты, дитя моего сердца, будешь учиться для того, чтобы служить людям. В этом единственное служение человеческой жизни: тем или иным путем служить людям».

Эта заповедь отца, полная просветительского пафоса, глубоко проникает в сознание Татьяны. Многие ее поступки и суждения в дальнейшем растут из этого зерна. Она не только протискивается к знаниям, фантазиям; в школе ее точна пленяет точное знание: она с увлечением решает задачи — «Что за прелесть цифра по сравнению с расплывчатыми видениями джунглей или американскими небоскребами. Маленькая точная цифра!».

И в то же время она готова, не считая, отдать все, что у нее есть, всякому, кто просит. Она снимает с окон занавески, чтобы отады их нищей.
 Но ее доброта лишена мягкости: иногда мы замечаем в ней оттенок какой-то властной жестокости.
 Мать со страхом думает о будущем Татьяны: «Ей представляется, как ее Тася — суровая, шедрая, доверчивая и вспыльчивая — шагнет в мир, решительно и бездумно сорвется с кручи, убеется насмерть, а их с отцом уже не будет на земле, и никто не крикнет ей: «Тасенька, осторожнее!».

И вот Татьяна шагнула в мир. Она в Москве, в вузе, учится, «не замечая никого вокруг себя». Она испытывает «страстное упоение пробуждающейся и растущей мысли». Попренежимо математика — ее любимая дисциплина. «Она не любила литературу: ее было много, и она так привыкла вымысла, что было окрашено чувством, вызывало в ней высокомерное отношение».
 Ее стремление к учению носит характер подвижничества. Она сторонится людей, оберегая возможность все время сосредоточенно думать. Без тени кокетства или жеманства она отстраняет ухаживания: «Она болалась всякого пытаского, который бы заставил ее слаться, обнаружить слабость». В этом юношеском ригоризме — строгая цельность, ответственность, обязательная прямота и целостность характера.
 Все это написано Неклюдовой очень свежо, самостоятельно, выразительно. Читая историю Татьяны Шуваловой, испытываешь ощущение интересного знакомства. Эту крупную девушку, с легкими светлыми волосами над крутым лбом, с решительным взглядом серых глаз и резким голосом, о которой профессора говорят — «этакая умница», не спутаешь ни с кем. Но если бы Неклюдова удовольствовалась только этим, приведенным в полное соответствие и равновесие всех черт образом, ей не удалось бы художественно аргументировать дальнейшую судьбу своей героини. Но она изображает этот характер в движении, в развитии.

Казалось бы, целеустремленность Татьяны не позволяет сомневаться в ее будущем — она должна стать ученым, может быть педагогом, творчески работать в науке. Но ее «восхождение на гору знаний» внезапно обрывается: заболел отец, надо поддерживать стариков, следовательно, «бросить учение и идти работать». Татьяна переживает это, как катастрофу, но ей даже не приходит в голову уклониться от выполнения долга.
 В поисках заработка она попадает в какое-то учреждение на роль секретаря. Но и здесь она верна себе. Ей нужны не служба с окладом, а служение людям, и Татьяна восстает против оплаченного безделья. Она находит удовлетворение, став учительницей начальной школы, и в этой скромной роли работает творчески, ищет новых методов, борется с рутиной — это пока все то же размашистый и немного суровый — даже в доброте — характер. Только частое вторжение в судьбу Татьяны вводит ее из сферы действительности в сферу мечты. Ее внутренний мир обогатился чистым и сильным чувством, она становится мягче, спокойнее, новые привязанности — к мужу, к детям — требуют от нее новых жертв: она расстается с любимой работой и становится только женой, матерью, хозяйкой дома.
 Такою злится ее война, эвакуация в глухую чувашскую деревню, внезапная и одновременная смерть ее детей от дифтерии, гибель мужа на фронте.

Что же поднимает Татьяну из бездны отчаяния, что позволяет ей воспринять и снова жить полноценной жизнью?
 Она из ее старших сестер, Нина, к которой она попадает, возвращается в Москву, себялюбивая обывательница, советует ей пожить, наконец, «для себя», «устроиться» хоть заведующей магазином, «отстаться», одеться, а там видно будет».
 «Я буду жить и для себя», — отвечает возмущенная Татьяна, — «но не так, как ты это понимаешь».

Татьяна пробует объяснить сестре свою жизненную позицию. «Привязанности даже к детям никогда не была для меня ледом насущным».
 «Что ж у тебя — хлеб насущный?» — спрашивает ее сестра.
 «Труд, труд, труд для людей! — жюжжжж от слез голодом, но уже наполненным силой, голодом Татьяна».

Она пытается продолжить свой жизненный путь, свое «восхождение на гору знаний» с того места, на котором ей когда-то пришлось остановиться, — снова взвешивает аудиторий, спорит яростно, жадно насыщенные знаниями.
 Она одинока, ничто не мешает ей идти к своей цели. Но странное дело — ее успехи в учебе не радуют ее. Она — прежня. Ей не удается теперь уйти от горя в науку, как уходила в монастырь. Теплота привязанностей уже стала ее потребностью. «Я не могу питаться бумагой», — с горечью сознается она. Татьяна с готовностью принимает помощь людей, которые умно и осторожно летят ее горе: делают фанатическую командирку Татьяну в неадаптно обособленную лам организацию инвалидов. Картины разорения и разрушения горят, изгоняют Татьяну от тоской, гневом, страстной жалостью и желанием помочь людям». Она чувствует, что именно теперь «нужно осуществлять свою новую жизнь».

В странном сочувствии к таким же опустошенным матерям и обездоленным детям растворяется горе Татьяны.
 И несмотря на предостережения друзей, озобоченных предостережением их грустности, Татьяна усыновляет сироту, калеку Леньку, и забирает его с собой в Москву.

Так кончается повесть. Читатель расстается с Татьяной Шуваловой, спокойный за нее. Он закрывает книгу, обогативший опытом этой сложной натуры.
 Права ли Неклюдова, доказывая возможность преодоления горя на опыте незаурядной женщины, с таким запасом душевных сил, каким обладает далеко не каждая?

Мне кажется — права. Не в том ли и заключается жизненное назначение сильных людей, чтобы прокладывая дорогу более слабым, вести и звать их за собой?
 Слабы ты или силен — не замыкайся в своем горе, не одинобствуй с ним: иди к людям, делись с ними и своею болью и своим теплом. Не сосредоточивайся на своих несчастьях, а взгляди в горе других людей и становись в строй борющихся.

Такова являя повесть, и, думается мне, Неклюдова сумела высказать ее горячо и убедительно.
 Можно было бы говорить о недостатках повести, если бы они были несущественны, но автору приходится предьявить серьезные претензии.
 О Татьяне говорится, как о человеке интеллектуальном, со вкусом к работе мысли. Но странным образом, мы нигде ни разу не видим даже образчика этого внутреннего процесса, мы почти не знаем ее суждений о происходящем вокруг нее. Ее идея служения людям весьма расплывчата. На ее век приходится такое множество событий, меняющих судьбу и лицо страны. Что же думает Татьяна обо всем этом? Татьяна жадно учится. Но автор ограничивается изображением психологического состояния человека, оханенного жаждой знания, а какими мыслями, каким содержанием обогащает Татьяну учение, — остается неизвестным.

Другой упрек относится к изображению обстановки, окружающей Татьяну. На сколько пейзаля и убедительны все детали психологической и социальной обстановки и большинства других персонажей, настолько же призрачны и условно написаны и колхоз, и дезоэготовки, и полевые работы, а затем — институт, освобожденное от немцев село. Реалистическое изображение человеческих характеров не подкрепляется ивие точною изображением их деятельности, быта, обстановки. Прекрасно написанные пейзажи не искупают этого недостатка

В Катаев писал свою повесть на исходе войны. Он писал о войне, о советских войнах. Это было и осталось темой жизни. Повесть сразу нашла путь к сердцу читателя. Особенно полюбили ее дети. Ваня Солдатов — это сын полка, он — что важнее — сын времени. И взрослые узнают в нем сроднящихся, советских ребят, а ребята видят в нем своего выпестованного жизнью, обретающего в ее испытаниях взрослости. Ему вальд все, как-то нибудь дивагировать, он — их сверстник, и в то же время он такой, как все советские люди, незанято от возраста, с их преданностью родине, бесстрашием, твердостью характера.

Мы сначала читали повесть, затем видели ее на сцене, теперь смотрим в кино. Катаев был автором и книги, и пьесы, и сценария. Но все же лучше он мыслит и творит один, в тишине, и в то же время он такой, как все советские люди, незанято от возраста, с их преданностью родине, бесстрашием, твердостью характера.

Фильм (режиссер В. Пронин) тоже оказался белее повесть. Заук и пейзаж не воспроизвели потерь в описательной характеристике персонажей, в их красочной индивидуальности. Переживания сгустились, изобразили, и люди стали примитивно однообразными, слишком уж похожими друг на друга, тогда и глядя — перепутать. И оттого-таки, — кроме одного человека, главного героя повести и картины. Все остальное — не более, чем огульный фон. Тут актер и герой не просто сблизился, а прямо-таки сошелся и слился. Трудно определить, где кончается жизнь, натура и где начинается искусство перевоплощения. Да и есть ли оно? Повидимому, есть, хотя установить его формы и пределы почти невозможно.

Ваню Солдатева изображает Юра Янкин. Именно изображает, а не играет. Это его первая роль, и неизвестно, будет ли у него вторая. Но он, что называется, живет в образе, а не представляет, и это тем справедливей, что речь идет не об актере, владеющем техникой, мастерством преобразования, не о дебютанте даже. Перед нами не актер в обычном смысле слова, но и не «стиляга», так как это понятие появилось в ту пору, когда Ваня Солдатов — воспитанник детского дома — вжил в роль всю душу, все чувства и волнения, весь горький и радостный опыт своей юной жизни. Успех Юры Янкина, конечно, всего лишь удачный, но частный случай, и не стоит возводить его в некое киноправило, но совпадение оказалось поистине редким и примечательным.

Ваню Солдатева нашли разведчики артиллерийского полка, привели к себе, накормили, напоили, а, главное, приласкали. Солдатов — это не просто актер, это — человек, который в полку, зачислив на довольствие, выдал обмундирование. Причесанный, преобразившись, надел новенькую шапку, идет, чуть покаявшись, вразвалку по городу, независимо, как довольный собой человек, добившийся осуществления своих стремлений. Ему теперь ничего не боязно, над него все кругом открыто. И мы вспоминаем этот кадр, когда в финале фильма Ваня Солдатов, как бы повзрослевший и, во всяком случае, более «сдвинутый», проходит четким шагом в строю суворовских мимо трибуны, с которой их приветствует Сталин.

Мы говорили о Ване Солдате и все время имели в виду Юру Янкина, — то, что он делает в фильме. Тут нет подделки под взрослого, но и нет слащавой детскости, сквозящей в режиссуре. Это то основное, и более того, единственное в фильме, что так же естественно и жизненно, как и в повести. Все остальное значительно слабее и отступает на задний план.

дательская ласка, — в ней удивительно сочетаются строгость и радушие, суровость и доброта, — она дорого стоит. И сироту, родных которого загубили немцы, согрело это сердечное участие, эта немалозначительная и выматывающая забота. Сначала он смотрел широко раскрытыми глазами на котелок со щами, на приветливо улыбающихся и душевно расположенных к нему бойцов и на все, окружающее его в землянке, и в этом взгляде были и любопытство, и историчность, и если хотеть, растерянность. Но быстро уходила робость, и безобидный, выхваченный парекс обрелся в новой обстановке, привык к новым знакомым, привязался к ним. И они искренне полюбили шустрого и смысленного «пастушка». Так что когда капитан Енакиев распорядился отправить Ваню в тыл, это вызвало всеобщее сожаление и печаль. Но приказ есть приказ, согласен или нет, а выполнять надо. И Ваня предлагает готовиться к отъезду.

Тут мы впервые узнаем силу его характера, где сошлись вежливо ребячливая трогательность и «взрослое» упорство. Настоящий и в то же время чуть не плача Ваня удерживает оставшихся здесь. И мы верим, что он выполнит обещание сбегать в дороге и во что бы то ни стало вернуться сюда. И он осуществляет это решение. В пути происходит встреча Вани с юным кавалеристом. С какой наивной завистью смотрит Ваня на его форму и оружие, но вслух не только не высказывает охватившего его чувства, но, наоборот, всячески маскирует их ребячливой застенчивостью и манушками застенчивости. Но мысль о том, что он «показался» разведчикам и оттого они «ослабело, остро задела и встревожила мальчуга. И видно, как он глубоко переживает все это и хочет доказать, что он не менее смел, находчив, решителен, чем его сверстник-кавалерист. И он это доказывает в разведке и своим поведением на допросе у немцев. Маленький, сгибающийся, весь в лохмотьях, но с гордым, непокорным взглядом, Ваня плачет — и не от страха, а от боли и горя, от вынужденного бегства и злобы. Плачет и ничего не выдает.

И вот приходит спасение. Ваня, избитый и окровавленный, лежит на грязном полу казармы, и в этот момент его видит старшина артиллерийской канонады. Он слышит стон и бормочет: «Ваня, Ваня, соскочи пушки. Из последних сил он поднимается с пола, хочет бежать навстречу своим.

Исполнилось, наконец, желание Вани. Его приняли в полк, зачислили на довольствие, выдали обмундирование. Причесанный, преобразившись, надел новенькую шапку, идет, чуть покаявшись, вразвалку по городу, независимо, как довольный собой человек, добившийся осуществления своих стремлений. Ему теперь ничего не боязно, над него все кругом открыто. И мы вспоминаем этот кадр, когда в финале фильма Ваня Солдатов, как бы повзрослевший и, во всяком случае, более «сдвинутый», проходит четким шагом в строю суворовских мимо трибуны, с которой их приветствует Сталин.

Мы говорили о Ване Солдате и все время имели в виду Юру Янкина, — то, что он делает в фильме. Тут нет подделки под взрослого, но и нет слащавой детскости, сквозящей в режиссуре. Это то основное, и более того, единственное в фильме, что так же естественно и жизненно, как и в повести. Все остальное значительно слабее и отступает на задний план.

«Сын полка» — новый художественный фильм производства киностудии Советфильм. Сценарий В. Катаева, постановка В. Пронина.

В. И. Ленин в последние годы жизни

Гослитиздат выдвигает в этом году 40-тысячный тиражом книгу М. Москалева «В. И. Ленин в последние годы жизни» (1921—1924 гг.). Основываясь на документах, воспоминаниях, выдержках из ленинских статей, выступлений, писем, автор показывает многогранную государственную и партийную деятельность В. И. Ленина в последние годы его жизни.

Всесоюзное совещание драматургов и деятелей театра

В постановлении ЦК ВКП(б) «Об репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» сказано, что ЦК ВКП(б) поручает Комитету по делам искусств совместно с правлением Союза советских писателей провести совещание по вопросу о репертуаре и совместной творческой работе драматургов с театрами. Комитет по делам искусств и Союз советских писателей созвали такое совещание в Москве 18 ноября. На совещании, которое продлится три

дней, будут обсуждены проблемы создания современного советского репертуара и новые произведения советских драматургов. Художественные руководители Московского театра им. Ленинского комсомола (И. Беренев), Украинского академического театра драмы им. И. Франко (К. Юра) и Грузинского академического драматического театра им. Руставели (А. Басадзе) расскажут об опыте совместной работы театров с драматургами.

Вечер молодых поэтов

В Московском политехническом музее состоялся вечер молодых поэтов. Вступительное слово сказал П. Антокольский. — Каждый из выступающих здесь молодых поэтов, — говорит П. Антокольский, — имеет свое творческое лицо. Но их объединяет то, что все они пришли в советскую литературу в годы Великой Отечественной войны. Их поэзия может быть по праву названа детским героическим лет боями нашего народа с германским фашизмом. С чужим своих стихов выступили И. Бауков, С. Гуденко, В. Захарченко, М. Луконин, М. Львов, С. Нарватков, А. Нелогонов, В. Тушинов, В. Урин.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Закройщики одноактных пьес. Салтыков-Щедрин говорил о литераторах, призрачных к бездумной болтовне. «Предмет ее не только чужд болтовне, но даже за минуту перед тем был ею совершенно неизвестен... Дайте мне только сюжет, а уж я изоболтаю на нем!».

Весь круг наблюдений этих людей заставил автора «только сюжет», уж он изболтается на нем. Сюжет может быть о самом банальном, как анекдот из «Осколков» или «Будильника», в нем могут фигурировать люди, большие покое на ископаемые существа, нем на наших современников. Не беда! Ловкий сочинитель всегда сумеет «подловить» фон событий, расцветить текст современной терминологией.

По этому нехитрому рецепту и сфабрикованы такие одноактные пьесы, как «Морской зять, или 33 сорсы» В. Ардова, «На волосок от смерти» К. Кривошеина, «Это часто бывает» Л. Савельева.

В Ардов обильно снабжает эстраду и различные журналы произведениями, подчиненными лишь одной задаче: смешить, смешить во что бы то ни стало, хотя бы для этого приходилось создавать любые нелепые положения, жертвовать всяким подобием логики. «Остроумие само по себе ничего не стоит, — писал Гейне. — Я признаю только тогда остроумие, когда оно покончено на серьезном основании...» У Ардова на этот счет особое мнение. Демонстрацией тому служит его повесть с замысловатым названием «Морской зять, или 33 сорсы».

Сюжет водил так. Где-то на Урале пребывает в эвакуации бывший морской штурман Аксенов. Конечно, отставной моряк презирает всех нефлотских людей. Он в постоянной панике: как бы его 19-летняя дочка Вера не вышла замуж за «суюнчотного человека». Чтобы застраховаться от такой опасности, старик откупается, покоряется каждому молодому человеку, появляющемуся в доме, заставляя его сдать задний ход. Эту же тактику применяет Аксенов и к влюбленному в Веру и пользующемуся ее взаимностью Елагину: армейский капитан не устраивает бывшего штурмана!

Но Елагин в действительности оказывается флотским офицером, незлоумышляющим, к общему счастью, Вера и Елагин могут спокойно идти в ЗАГС, род Аксеновых не будет «осквернен».

Читатель вправе спросить: «при чем тут Урал, война, эвакуация, при чем тут вообще советское время? Ардов механически переносит в нашу действительность схемы, взятые напрокат из наиболее шаблонных

воделей и фарсов дореволюционного прощуждения, не замечая, что уже этим самым безнадежно оглуляет своих героев, ставит их в нестерпимое фальшивое положение, сблизает с персонажами буржуазных фарсов.

Вера. Потому, что меня возмущает недостоверность некоторых людей. Елагин. Скажите сами, как же некоторые люди могут доверять некоторым людям, когда некоторые люди так жестоко обманывают некоторых людей? И потом: некоторые люди просто выгоняют некоторых людей из своего дома!

Внимательные даты политической и культурной жизни нашей страны находят отражение в выпуске новых почтовых марок. Какие почтовые марки были выпущены за время советской власти в ознаменование литературных дат, давайте вспомним. Вспомогательным образом обратимся к календарю Центральной экспедиции почтовой связи Министерства связи СССР тов. Бойко.

Впервые, единичная в литературной дате, — сказал т. Бойко, — была выпущена в 40-летие деятельности А. М. Горького, что было в 1925 г. Датой его дня рождения Горького ознаменовано выпущенных двух марок — портрет писателя и марки с изображением двух марок с портретом Горького и с надписью «Горького это значит торжество культуры» и в 1946 г. к 10-летию со дня его смерти.

Два раза выпущены новые марки в ознаменование литературных дат. Впервые, единичная в литературной дате, — сказал т. Бойко, — была выпущена в 40-летие деятельности А. М. Горького, что было в 1925 г. Датой его дня рождения Горького ознаменовано выпущенных двух марок — портрет писателя и марки с изображением двух марок с портретом Горького и с надписью «Горького это значит торжество культуры» и в 1946 г. к 10-летию со дня его смерти.

Две марки были выпущены в 1946 г. к 150-летию со дня рождения А. С. Грибоедова. Портреты М. Г. Салтыкова-Щедрина и Шевченко были выпущены три марки: с автопортретом поэта, с портретом Т. Г. Шевченко, с портретом А. С. Грибоедова. В ознаменование литературных дат выпущены марки с портретами А. И. Герцена и А. П. Чехова.

ЗА НЕДЕЛЮ

ВСТРЕЧА С КОМСОМОЛЬЦАМИ КРАСНОЙ ПРЕСНИ

В Московском клубе писателей состоялась встреча писателей с комсомольцами Красной Пресни. Представители учащейся и рабочей молодежи района предъявили свои требования к художественной литературе, так мало уделяющей внимания комсомольской теме. Выступившие на встрече писатели Ф. Левин, А. Крон, П. Антокольский, С. Гуденко, И. Френкель и А. Луконин, М. Львов и др. говорили о задачах литературы, о писательском труде и читали свои произведения.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА А. Н. РАДИЩЕВА

Владимир. В Областном государственном архиве найдены неопубликованные письма А. Н. Радищева. Большинство из них адресовано графу А. П. Воронцову, проживавшему в своем поместье на территории Владимирской губернии. Переписка Радищева с Воронцовым относится к периоду службы писателя в Санкт-Петербургской таможне и к годам после возвращения его из сибирской ссылки. В письме, датированном 18 сентября 1798 года, Радищев сообщает о своей болезни и крайней нужде.

НОВАЯ ПЬЕСА ПЕРЕЦА МАРШКА

В секции драматургов ССП состоялась 23 октября чтения и обсуждение новой пьесы Перца Маршак «Беловесовская пушка». Пьеса написана на еврейском языке Белым Стихом. Русский перевод принадлежит М. Шамбаду.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

22 октября издательство организовало обсуждение книги В. Ерилово «Чехов». Выступившие на совещании В. Шкловский, И. Вильям-Вильмонт, Ф. Левин, С. Крыжановский, А. Близняков, А. Рыбасов, А. Луконин отметили высокий творческий уровень книги, ее подлинную поэтическую застенчивость, простоту и выразительность. Вместе с тем автору книги было указано на то, что он несколько идеализировал Чехова, недостаточно обрисовал среду и социальные условия, в которых формировался Чехов как человек и писатель.

Конкурс на лучшую детскую книгу

Литературный конкурс на лучшую детскую книгу объявил Чувашский обком комсомола. Министерство просвещения и Союз писателей Чувашии. Рассмотрение представленных рукописей будет производиться в три тура — в апреле и октябре 1947 года и в апреле 1948 года. Для каждого тура установлены четыре премии: первая — 5 000, вторая — 3 000 и две третьих премии — по 1 500 рублей.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

В Ленинградском Доме писателя им. Маяковского проф. А. Еролин прочел лекцию на тему «Ленин и Сталин о задачах художественной литературы».

Выставка армянской печати

Ереван. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров Армянской ССР совместно с Государственной публичной библиотекой им. Мясникова организовал выставку «История армянской печатной книги».

«ДУНГАНСКИЕ СКАЗКИ»

Издательство Академии наук Казахской ССР выпустило в свет сборник дунганских народных сказок. Составитель сборника — научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии Х. Юсупов и В. Шахматов.

Восстановление Белорусской книжной палаты

В Минске началось восстановление фондов Белорусской книжной палаты, разграбленной и разрушенной немецкими оккупантами.

«Песни нанайца»

Ленинградское отделение Учредителя выпустило в свет книгу стихов нанайского поэта Аким Самара — «Песни нанайца».

Письмо в редакцию

В № 36 «Литературной газеты» помещена переписка, где, между прочим, написано: «...Понятия произведения, пропалитирующие духом и истинно, — писал Гейне. — Я признаю только тогда остроумие, когда оно покончено на серьезном основании...» У Ардова на этот счет особое мнение. Демонстрацией тому служит его повесть с замысловатым названием «Морской зять, или 33 сорсы».

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет в четверг 7 ноября.

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

Закройщики одноактных пьес

Салтыков-Щедрин говорил о литераторах, призрачных к бездумной болтовне. «Предмет ее не только чужд болтовне, но даже за минуту перед тем был ею совершенно неизвестен... Дайте мне только сюжет, а уж я изоболтаю на нем!».

Весь круг наблюдений этих людей заставил автора «только сюжет», уж он изболтается на нем. Сюжет может быть о самом банальном, как анекдот из «Осколков» или «Будильника», в нем могут фигурировать люди, большие покое на ископаемые существа, нем на наших современников. Не беда! Ловкий сочинитель всегда сумеет «подловить» фон событий, расцветить текст современной терминологией.

По этому нехитрому рецепту и сфабрикованы такие одноактные пьесы, как «Морской зять, или 33 сорсы» В. Ардова, «На волосок от смерти» К. Кривошеина, «Это часто бывает» Л. Савельева.

В Ардов обильно снабжает эстраду и различные журналы произведениями, подчиненными лишь одной задаче: смешить, смешить во что бы то ни стало, хотя бы для этого приходилось создавать любые нелепые положения, жертвовать всяким подобием логики. «Остроумие само по себе ничего не стоит, — писал Гейне. — Я признаю только тогда остроумие, когда оно покончено на серьезном основании...» У Ардова на этот счет особое мнение. Демонстрацией тому служит его повесть с замысловатым названием «Морской зять, или 33 сорсы».

Восстановление Белорусской книжной палаты

В Минске началось восстановление фондов Белорусской книжной палаты, разграбленной и разрушенной немецкими оккупантами.

«Песни нанайца»

Ленинградское отделение Учредителя выпустило в свет книгу стихов нанайского поэта Аким Самара — «Песни нанайца».

Письмо в редакцию

В № 36 «Литературной газеты» помещена переписка, где, между прочим, написано: «...Понятия произведения, пропалитирующие духом и истинно, — писал Гейне. — Я признаю только тогда остроумие, когда оно покончено на серьезном основании...» У Ардова на этот счет особое мнение. Демонстрацией тому служит его повесть с замысловатым названием «Морской зять, или 33 сорсы».

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет в четверг 7 ноября.

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

Восстановление Белорусской книжной палаты

В Минске началось восстановление фондов Белорусской книжной палаты, разграбленной и разрушенной немецкими оккупантами.

«Песни нанайца»

Ленинградское отделение Учредителя выпустило в свет книгу стихов нанайского поэта Аким Самара — «Песни нанайца».

Письмо в редакцию

В № 36 «Литературной газеты» помещена переписка, где, между прочим, написано: «...Понятия произведения, пропалитирующие духом и истинно, — писал Гейне. — Я признаю только тогда остроумие, когда оно покончено на серьезном основании...» У Ардова на этот счет особое мнение. Демонстрацией тому служит его повесть с замысловатым названием «Морской зять, или 33 сорсы».

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет в четверг 7 ноября.

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).